

Книжечное обозрение. - 1991, 25 экв. (4)

Виталий ВИЛЕНКИН:

«Я ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Виталий Яковлевич ВИЛЕНКИН — доктор искусствоведения, историк театра, мемуарист. Автор книг

«Вл. Ив. Немирович-Данченко. Очерк творчества», «Качалов», «В сто первом зеркале» (об А.А.Ахматовой), «Амедео Модильяни», «Воспоминания с комментариями» и других.

занимающемуся критической деятельностью, если знаю, что он националист, или антисемит, или мракобес-монархист.

— С каким настроением вы смотрите на наше будущее?

— Может быть, покажусь легкомысленным, но мне беспроблемно мрачные настроения несвойственны. Я думаю, что не то, чтобы очень скоро, но и не через необозримое время обязательно произойдет улучшение жизни. И для этого найдутся и умы, и средства.

Когда я слышу новых деятелей среднего поколения, таких, как Попов, Собчак, когда читаю статьи экономистов и политологов — иногда очень страшные, например, Нуйкина, — я чувствую, что из этих идей будет вырастать новое. Тем более, когда идеи соединяются с практическими действиями. Может что-то не ладиться, быть неверным, ошибочным, преждевременным, но есть же и безусловно ценное, и если не сегодня, то завтра оно осуществится. Мои надежды связаны с такими людьми.

Вот чему я совсем не радуюсь, так это развалившемуся морю политических партий, течений, группировок и т.д. Многим кажется, что это и есть желанный плюрализм, с его помощью мы построим новую жизнь и очистим общество.

По-моему, это попытка механического перенесения в нашу жизнь того, что было когда-то. Это противоестественно. Это же старые ценности! Ценности той экономической, политической жизни, той морали. Почему из их возобновления должно родиться что-то живое, почему для нового витка нужны старые ценности? Впрочем, наверно, не мне об этом судить, — я ведь прожил свою жизнь беспартийным и нисколько об этом не жалею, — наоборот.

— После чтения ваших книг, после наших разговоров у меня сложилось впечатление, что вы счастливый человек...

— Я, правда, очень счастливый человек, у меня были такие встречи, такие друзья, которые могут наполнить всю жизнь. Булгаков, Ахматова, Пастернак, Качалов, Москвин, Книппер-Чехова, Эрдман почтили меня своей дружбой. И для меня, знавшего их в далекие лучшие времена, не может не быть радостью, когда сегодня я вижу реальную тягу к их творчеству. Она присутствует, особенно у той части молодежи, которая испытывает стремление к сфере настоящей интеллигентности и готовит себя к вступлению в нее.

А кому-то эти имена совершенно безразличны. Не страшно: это явление не может и не должно быть массовым. Когда на заседании Ахматовской юбилейной комиссии кто-то предложил провести празднование столетия поэта в Лужниках, многие из нас ужаснулись. Точно так же я до сих пор прихожу в ужас от того, что намечается сделать с музеем Булгакова в Москве. Нечто абсолютно антибулгаковское называют «народной тропой»!

По-моему, это тропа в двойных кавычках. Причем графитная графомания, испещряющая стены, смыкается здесь с желанием квалифицированных людей сделать дом булгаковским центром под знаком «Мастер и Маргарита». Как будто он больше ничего не написал! И я представляю себе, как бы этот человек, который любил писать при свечах и канделябрах, простой ручкой и чернилами в обыкновенных школьных тетрадях, человек, не терпевший никакой суеты, никакого вторжения «улицы» в свой писательский мир, как бы он протестовал против подобного.

У меня двойственное отношение к нынешней его славе. Не принимаю бушующей вокруг его имени «массовой культуры». И не могу не быть счастливым от того, какое мировое признание получил писатель, которого я знал в состоянии такой угнетенности, такой несправедливости, в такой, в сущности, чудовищной жизни. 10—12 человек, собиравшиеся в его доме, были единственным кругом его читателей. Он ведь не позволял ни страницы выносить во вне, никаких «самиздатов». Словом, это совсем другой стиль, все другое. Я бы даже призвал организовать «Общество защиты Булгакова», пусть небольшое, но действенное. Не надо, например, стараться печатать все им написанное, не каждый писатель нуждается в полном собрании сочинений.

В связи с литературной судьбой Булгакова просто обязан сказать и о ныне получившей распространение интерпретации его пьесы «Батум», с которой я не могу согласиться. Работа над ней представляется как сдача булгаковских позиций, как желание понравиться и увидеть наконец свои пьесы на сцене. Но зачем же тогда Булгаков написал именно такую пьесу? Ее надо читать! Недаром он при первом разговоре о ней со мной и П.Марковым сказал: «Нет, это для меня рискованно, это плохо кончится». Как будто предвидел.

— Почему?

— Да по простой причине. Булгаков писал пьесу о молодом Сталине, может быть, чтобы напомнить ему, каким он был когда-то. Напомнить, что он был не божеством, а человеком, который притягивал к себе людей не потому, что это было страшно или выгодно. Сделать такую пьесу о Сталине было мыслью дерзкой, тем более что тот ждал, очень ждал пьесы именно от Булгакова. Но, разумеется, совсем не такой. Потому и пришел в ярьство.

А легенда о сдаче писателем своих позиций пошла из воспоминаний С.Ермолинского. Он был другом Булгакова, очень преданно вел себя в последние месяцы его жизни, но то, что он написал о «Батуме», — самая настоящая неправда. Никогда, никто из нас, бывших близкими к Булгакову, не слышал ни звука о том, что он раскаивается или считает свой поступок недостойным. Ни звука об этом нет и в дневнике его жены Елены Сергеевны. Я говорю об этом жестко и резко потому, что у меня с ныне покойным Ермолиным состоялся разговор и я выразил ему свое отношение точно так же, как и сейчас вам. Только поэтому считаю себя вправе об этом сказать.

— Среди ваших книг — монография о Модильяни...

— Меня часто спрашивают об этом. Отвечу, может быть, глупо. Вы верно сказали, что я человек счастливый, мне повезло на дружбы. И вот, представьте, я решил, что у меня будет еще один друг. Модильяни отнюдь не мой самый любимый художник, но меня необычайно глубоко затронула его судьба. Так ужасно, так несправедливо сложилась его жизнь, что я почувствовал своим долгом дать моим соотечественникам возможность общения с ним. И я стал собирать о нем все, что возможно. Книга впервые вышла 20 лет назад, и до сих пор у нас единственная.

— Вы сумели опубликовать все свои воспоминания?

— Да, все полностью. Можно считать, что свой долг перед памятью дорогих мне людей выполнил. Но некоторые исправления и дополнения к изданному необходимы, так как в свое время многое печаталось с купюрами. Сейчас вышло второе издание «В сто первом зеркале», и снова выходят «Воспоминания с комментариями».

В «Воспоминаниях» считаю необходимым расширить рассказ о депутатской деятельности Ивана Михайловича Москвина, ибо о ней в последнее время тоже немало клеветы. Причем уважаемые мною люди — А.Ваксберг, Л.Разгон, пользуясь неверными слухами, написали о его якобы неблагоприятном поведении. Я могу это опровергнуть на основании дневников Москвина. Он же хлопотал за десятки людей. В его блокноте — длинные списки тех, кого он старался спасти. Есть благодарное письмо Лилиной, она «кланяется до земли» — старая спина еще гнется. Видимо, речь шла о ком-то из родственников Станиславского. Семья Майи Плисецкой, академик Вернадский пишут ему по таким же поводам.

А за Юрия Кольцова — талантливейшего молодого актера МХАТа — как они с Качаловым боролись! Они же не упускали ни одной возможности выступить в Кремле или в клубе НКВД с тем, чтобы попробовать заступиться. Качалов ездил к Вышинскому (у них дачи на Николиной горе были). При мне он вернулся с лицом белым, как бумага. Вышинский заявил, что дачное соседство не дает повода для обращения к нему с подобными просьбами. По сути выгнал его. И сколько таких примеров я еще могу привести.

— Что вы считаете главным в своей творческой судьбе?

— Хотя я написал немало мемуарных страниц, но живу, главным образом, настоящим. Со всей, для меня совершенно нестремимой необходимостью делиться с теми, кто приходит учиться сейчас, самым дорогим и близким из нашего и моего прошлого.

Надо самому по-настоящему жить тем, во что веришь и чему хотел бы видеть продолжение. Я просто делюсь тем, что люблю, считаю ценным, что, по моему убеждению, должно получить развитие. Без такой почвы истинно новое не вырастает.

Беседовал
Александр НИКОЛАЕВ.

— Виталий Яковлевич, наше нелегкое время дает немало поводов для тревоги. Что беспокоит вас?

— Для того чтобы мы могли возродиться и двигаться дальше, нужно осознать, что наша духовная культура находится в состоянии величайшей опасности. Не в меньшей, чем экономика или национальные отношения. Неизвестно, кстати, что страшнее.

Меня огорчает, что в своих перечислениях ведущих сил общества М.С.Горбачев всегда говорит об интеллигенции в последнюю очередь, как будто ставит ее на последнее место. Ведь он начинал рестройку с раскрепощения нашей духовной жизни, с возможности свободно высказываться и пытаться строить новую культуру страны в самом широком смысле этого слова.

Тревожит меня и бездумно-легкомысленное, рассчитанное на дешевый эффект или случайное сочувствие, отношение к прошлому нашей духовной культуры. Возьмем журнал «Огонек» (1990, № 40, октябрь), где среди иллюстраций к опусу Ю.Елагина «Музыкальные улады вождей» красуется фотография В.И.Качалова с книгой «К.Маркс и Ф.Энгельс об искусстве» в руках и с редакционной подписью «На пути к Гамлету, Василий Иванович Качалов изучает первоисточники». Этот портрет был снят фотографом Е.Явно на моих глазах. Книга, которую, видимо, Василию Ивановичу кто-то прислал, лежала в углу на диване. Ручаюсь, что он в нее и не заглядывал, не его это был «круг чтения». Фотограф сунул ему в руки первую попавшуюся на глаза книгу, чтобы избежать съемочной напряженности. Роль же Гамлета, как известно, Качалов сыграл в 1911 году. Так и хочется посоветовать редактору журнала В.А.Коротичу, чтобы он рекомендовал сотрудникам поаккуратнее подбирать публикуемые материалы.

Мне совершенно непонятна эта теперешняя разрушительная тенденция все мазать черной краской. Причем тенденция злобствующая, мстительная и нередко направленная просто не по адресу. Меня очень волнует, что в одну яму стараются сбросить все, и при этом ни в чем не пытаюсь разобраться по существу. Ведь подобным легкомыслием не только искажается и обедняется наша история, но мы сами лишаем себя возможности черпать из многих источников подлинной духовности, нравственности, творческой мощи.

— Мне кажется, что беспокоящие вас процессы огульного отрицания вызваны еще и тем общим бескультурьем и полужнанием, которые культивировались в нашем обществе долгие годы.

— Безусловно. И во многом здесь повинны пресса и критика, литературная, театральная, художественная. Критика сейчас, по-моему, должна находиться на такой линии ответственности, на которой еще никогда не была. Ну, а что мы видим? Непрофессиональность и удивительное легкомыслие в суждениях, когда то, что несколько лет назад объявлялось черным, теперь столь же убедительно выдается за белое. Конечно, все это уважения не вызывает.

Как соблазнительно отвергнуть Горького, Маяковского или Репина, и в сущности только за то, что они имели официальное признание. А если внимательно и заинтересованно их прочитать или посмотреть еще раз их работы? То же самое происходит и в театре, над развалом которого немало потрудились критика, нестойкая в своих убеждениях, беспринципная и, главное, в массе своей страшно нетеатральная.

В литературной критике не приемлю фамильярности, ерничества, которые имитируют якобы простоту отношений между критиком и автором. Не люблю и тех, кто, наоборот, высокомерно ставит себя над писателем и в том, что принимает, и в том, что отвергает. Творчество — святое дело, и вторгаться в него нужно осторожно и тактично. Я очень ценю критический такт, даже при резко выраженных мнениях. Такт — это тоже элемент творчества, от него многое зависит.

И теперешние свары в критических полках мне особенно отвратительны. Не участвую в них, разумеется, и всегда как-то внутренне ежусь от самого уровня, на котором эти схватки происходят. Хотя размежевание мне кажется необходимым, и есть критики-литературоведы, которых я глубоко уважаю, но я никогда не подам руки человеку,